

Владислав Гриневич

Расколота память: Вторая мировая война в историческом сознании украинского общества

Владислав Анатольевич Гриневич (р. 1959) - старший научный сотрудник Института политических и этнонациональных исследований Национальной академии наук Украины.

Украина мало отличается от большинства стран Центральной и Восточной Европы, в которых после падения коммунистических режимов начались кардинальные переоценки исторического прошлого. Тема Великой Отечественной войны со времени провозглашения в августе 1991 года независимости украинского государства до сегодняшнего дня пребывает в центре жарких общественных дискуссий и политической борьбы, достаточно четко отражая нерешенность проблемы не только выработки новой «украинской идеи», но и определения стратегических ориентаций в системе координат Запад-Восток. Собственно, Вторая мировая война остается тем водоразделом в исторической памяти украинцев, который раскалывает их политически, идеологически и ментально.

От Сталина до Хрущева: миф о войне как легитимация режима

В межвоенный период большевикам так и не удалось сформировать в УССР гомогенное общество с единой советской идентичностью. Ни перманентные чистки врагов, которые в Украине нередко охватывали целые этнические и социальные группы, ни формирование национально окрашенного советского патриотизма не имели значительного успеха. Преимущественно крестьянская по своему социальному составу Украина, пережившая в 1930-х годах колоссальную по своим масштабам и последствиям гуманитарную катастрофу - Голодомор, жертвами которого стали более 3,5 миллиона человек, оставалась в сталинской империи потенциально «слабым звеном». Присоединение западноукраинских областей к СССР накануне немецкого вторжения только прибавило советской власти проблем.

Победа в войне создала новые условия для легитимации коммунистического режима. Война с ее многочисленными реальными и мифическими проявлениями героизма и жертвенности представляла собой замечательный материал для создания патриотических символов и образцов коллективной памяти. Более того, общая борьба советских народов с врагом давала возможность, не игнорируя, а скорее наоборот, акцентируя внимание на местной специфике, создавать модель общего патриотизма - общей советской идентичности. Таким образом, миф о Великой Отечественной войне, базовую основу которого составляли идеологемы о морально-политическом единстве советского общества, о руководящей роли коммунистической партии, о единстве партии и народа, фронта и тыла, о пламенном советском патриотизме и массовом героизме, о дружбе народов СССР и тому подобное, призван был сыграть особую роль в единении советского общества.

Направленный на интеграцию всего населения СССР в единый советский народ, миф войны создавал общих врагов и общих героев, однако каждая национальная республика и каждый

советский этнос творили свой малый миф, гармонически дополняющий это колоссальное идеологическое построение.

К созданию украинского советского мифа руководители республики приступили уже в ходе войны, причем используя для этого все присущие для официальной культуры памяти войны элементы: соответствующую интерпретацию истории, возведение военных пантеонов и мемориалов, учреждение новых праздников и памятных дат. Первый коммунист республики Никита Хрущев не только дал в своих речах и выступлениях идейные установки относительно роли и места Украины и ее компартии в Великой Отечественной войне, но и заложил основу для увековечения памяти о войне в пантеонах и мемориалах. По просьбе Хрущева и с личного разрешения Сталина в Киеве вскоре после его освобождения были захоронены герои обороны украинской столицы - генералы Кирпонос, Потапов, Тупиков (в 1957 году они были перезахоронены в специально построенном для этой цели Парке Славы, а сам парк превращен в ритуальное место поклонения, с Вечным огнем и Могилой неизвестного солдата). Несколько позднее в Киеве был похоронен и герой его освобождения генерал Николай Ватутин, который погиб весной 1944 года вследствие ранения, полученного в столкновении с украинскими националистами (до распада СССР причины смерти командующего I-го Украинского фронта предпочитали особо не афишировать, и ныне надпись на памятнике «Генералу Ватутину от украинского народа», иногда интерпретируется некоторыми праворадикалами совершенно недвусмысленно).

Осенью 1944 года в ЦК компартии Украины была разработана и спущена «по вертикали» целостная программа сооружения в республике разнообразных памятников героям Великой Отечественной войны, монументов «Слава» и «Победа», а также в ряде населенных пунктов Сумской, Черниговской, Сталинской и Ворошиловградской областей памятников героям партизанской войны. На 1 октября 1947 года в республике было приведено в порядок 31 688 братских и 64 670 одиночных могил советских воинов, сооружено 2613 памятников, 9861 надгробье, установлено 52549 могильных знаков. Все эти могилы и памятники были со временем превращены в ритуальные места поклонения.

В годы войны Хрущев также инициировал учреждение «общенародных, национально-государственных праздников украинского народа»: Дня освобождения Киева (6 ноября) и Дня освобождения Украины (14 октября), которые как памятные даты отмечаются до сего дня. Следует также отметить, что среди нерусских народов только для украинцев было сделано исключение в плане учреждения «национального ордена», названного в честь исторического героя украинского народа Богдана Хмельницкого.

Уже в бытность первым секретарем ЦК КПСС Никита Хрущев в 1961 году добился присвоения Киеву звания города-героя. Это почетное звание было учреждено в 1945 году и присвоено за героическую оборону в Великой Отечественной войне только Ленинграду, Севастополю, Волгограду-Сталинграду и Одессе. По ряду причин этот шаг дался Хрущеву не без определенных усилий, ведь оборона Киева ассоциировалась у бывших сталинских маршалов с самым масштабным в истории войны окружением, когда в плен попало около полумиллиона советских солдат. Кстати, неприятный осадок оставил и тот факт, что руководство обороной украинской столицы осуществлял генерал Андрей Власов - будущий предатель № 1 в сталинской империи.

Претензия партии на руководящую роль в советском обществе была серьезно поставлена под сомнение катастрофой 1941 года, что и обусловило особую табуированность событий начального периода в официальной культуре памяти о войне. Так, осенью 1945 года заместитель уполномоченного Совнаркома СССР по охране военной тайны в печати приостановил распространение журнала «Украинская литература» (№ 4-5) за 1945 год. После

тщательной проверки из него была изъята повесть Зиновия Тетерюка «Записки военнопленного». В повести рассказывалось о мытарствах бывшего командира Красной армии, который добровольно сдался в плен и записался на работу по разминированию минных полей, установленных Красной армией. После многочисленных побегов из концлагерей и 13 месяцев скитаний на оккупированной территории герой повести перешел линию фронта и возвратился «к своим». Бедой автора стало «слишком правдивое» описание событий начального периода войны. Сцены добровольной сдачи красноармейцев в плен, либерального отношения немцев к военнопленным, которых нередко отпускали домой, отсутствие «героической борьбы советского народа и его Красной армии с фашистскими захватчиками» и даже намек на присутствие партизан - герой повести так и не смог их разыскать - вызвали возмущение у проверяющих. Они признали публикацию «серьезной ошибкой редакции и политически вредным произведением».

Подобный случай был не единичным. Несколько ранее власть отказала поэтам Константину Симонову и Евгению Долматовскому в просьбе снять фильм о 1941 годе. Позднее кинорежиссеру Сергею Герасимову запретили показывать в фильме «Молодая гвардия» (1948) сюжет о разгроме советского подполья в начале войны. В Украине дважды Герой Советского Союза партизан Алексей Федоров устроил настоящее шельмование писателя-партизана Юрия Збанацкого, который поставил под сомнение массовость партизанского движения и пытался описать сложности его становления в 1941 году.

Однако именно масштабное советское поражение на начальном этапе войны, а также проявленная при этом нелояльность к сталинскому режиму со стороны преимущественно крестьянского украинского населения стали причиной перманентной гиперболизации в украинской советской историографии партизанской темы. Постепенно она переросла в очередной советский миф «о всенародной борьбе в тылу немецких войск на оккупированной территории Украины». Появившиеся уже в первые послевоенные годы мемуары и романы участников партизанского движения Сидора Ковпака, Алексея Федорова, Петра Вершигоры и других переиздавались в республике колоссальными тиражами. Параллельно возрастало и количество украинских партизан. Озвученная Никитой Хрущевым на XVI съезде компартии Украины, несомненно, преувеличенная цифра 220 тысяч участников партизанского движения вскоре перестала устраивать новых украинских руководителей, поскольку выставляла республику в невыгодном свете по сравнению с Белоруссией, где количество партизан было вдвое большим. Накануне празднования 20-летия Великой Победы Киевский филиал Института истории партии начал сбор по областям сведений об участии граждан Украины в партизанском движении и подполье. Однако данные, поступившие из областных архивов, вызвали в Киеве замешательство. Например, в Запорожской области отыскали только 337 партизан и 44 подпольщика, а также 285 лиц, содействовавших им в годы войны. Директор института Истории компартии при ЦК КП Украины Иван Назаренко не мог скрыть своего разочарования, и с раздражением написал на одном из документов: «Неужели так было?» В Запорожье был послан сотрудник института, который «довел задачу ЦК» до местного руководства. Цифру пересчитали заново и...нашли еще 192 тысяч участников всенародной борьбы 1941 года, «многие из которых впоследствии стали партизанами». В результате подобной алхимии была выведена новая, абсолютно фантастическая цифра: соответственно 501 000 украинских партизан и 100 000 подпольщиков. В то же время власть предпочитала не фокусировать внимание на национальном составе партизанских отрядов, поскольку украинцы в них в процентном отношении составляли значительно меньшую часть, чем в составе республики в целом.

Затушевывание национального момента было характерным проявлением псевдоинтернационалистской историко-идеологической концепции «дружбы народов», направленной на формирование единой советской идентичности. Характерный в этом

отношении случай произошел с Александром Довженко. В 1942 году он передал в издательство «Знамя» повесть «Победа», в которой рассказывал о героических действиях военной части, практически полностью состоявшей из украинцев. Партийный идеолог Георгий Александров (глава Агитпропа) раскритиковал произведение «за искусственный отрыв борьбы украинского народа от русского и других народов СССР» и запретил его печатать как «политически ошибочное и вредное».

Постепенно задачи украинских историков были ограничены темами воспевания подвига украинского народа и вклада Украинской ССР в общую победу над врагом. Интересно также и то, что, хотя украинская историография носила преимущественно краеведческий характер, она фактически была лишена национального колорита. В целом, официальные советские историки не стремились выяснить, сколько же украинцев воевало в Красной армии, сколько их было мобилизовано на фронт в период войны, каков был национальный состав отдельных советских фронтов, генеральского и офицерского корпусов, не говоря уже об этническом контексте человеческих потерь, плена, коллаборации и т.п.

Проблемы национальных меньшинств и межнациональных отношений в годы войны также были табуированы. Депортации крымских татар и немцев Украины, украинско-польская резня на Волыни оставались тайной за семью печатями - как, впрочем, и трагедия Холокоста. Вытеснение памяти о катастрофе еврейство была весьма характерным моментом советской исторической памяти войны. Так, впервые увидевший свет в период оттепели роман киевского писателя Анатолия Кузнецова «Бабий Яр», вскоре был запрещен. Причина замалчивания этой темы в немалой степени также была связана с проблемой лояльности. Акцент на евреях как главных жертвах нацизма мог, с точки зрения власти, актуализировать в сознании масс старый антисемитский миф времен Гражданской войны о том, что «советская власть - еврейская власть», равно как и нацистский миф о «жидо-большевизме», от которого немцы якобы пришли освобождать украинцев. Посему власть предпочитала называть многочисленные захоронения евреев могилами «мирных советских граждан - жертв немецко-фашистского оккупационного режима». В решении Совнаркома УССР о возведении монумента в память о погибших в Бабьем Яре, принятом в середине 1945 года, ничего не говорилось о евреях, а в 1976 году, когда памятник наконец-то был воздвигнут, национальная принадлежность 100 000 погибших вообще не упоминалась. Только в годы перестройки и гласности о Холокосте заговорили в полной мере. Тогда же выяснилось, что в Бабьем Яре в одной могиле с евреями покоятся сотни расстрелянных немцами украинских националистов.

Особенность украинской исторической памяти войны заключалась в том, что она изначально была раздвоенной. Национально-освободительное движение, охватившее западные области Украины в годы немецкой оккупации и достигшее своего пика в период возвращения сталинского режима, создало за годы войны целую систему национальных мифов со своими героями и символами, пантеонами и праздниками, в основе которой лежала идея жертвенной борьбы украинского народа «против двух империализмов - сталинского и гитлеровского за независимую украинскую державу». Не случайно советская власть сразу после возвращения в Украину позаботилась об уничтожении всего, что напоминало бы местному населению об этой борьбе. Никите Хрущеву принадлежала идея превращения курганов-могил, насыпанных украинскими повстанцами для увековечения памяти героев, в памятники советским солдатам. С этой целью с курганов сбивали деревянные кресты и национальные символы тризубы, монтируя вместо них пирамидки с красными звездами.

Тема врагов и предателей заняла особое место в украинском советском мифе. На протяжении почти 50 лет коммунистическая пропаганда формировала в Украине образ «украинско-немецкого буржуазного националиста - пособника фашистов». Деятельность Организации

украинских националистов и созданной при ее участии Украинской повстанческой армии иначе, как «антинародная, кровавая, преступная», не характеризовалась. Придуманные советскими публицистами хлесткие штампы типа: «жовто-блакитные вурдалаки», «штатные иуды», «отмеченные печатью проклятия», «союз тризуба и свастики» и тому подобные призваны были заклеить и покрыть вечным позором украинское националистическое движение.

От неосталинизма до перестройки: миф о войне - «священная корова» коммунистической идеологии

Утверждение в общественном сознании советского мифа войны пришлось на брежневский период. Воспитанная в духе советского патриотизма молодежь, в условиях приглушенного скептицизма со стороны поколений, переживших катастрофу 1941 года и немецкую оккупацию, постепенно оказалась в плену этого блистательного мифа. Его активными проводниками в республике выступали советские ветераны войны. Вместе с восстановлением в 1965 году празднования 9 мая Дня Победы как выходного дня и права ношения орденов и медалей, ранее омраченного наличием на них профиля Сталина, они неожиданно получили почет и общественное признание.

Любые попытки отхода от официальной интерпретации были в советское время наказуемы. Автор данной статьи хорошо помнит, как уже в 1980-е годы, его, сотрудника мемориального комплекса «Музей Великой Отечественной войны» в Киеве, вызывало «на ковер» руководство, чтобы предупредить о недопустимости использования в лекциях материалов из книги Евгения Долматовского «Зеленая брама» о трагедии 1941 года, только что вышедшей из печати[1].

Насколько прочным оказался монументальный советский миф, продемонстрировали события периода перестройки и гласности. Преобразования, по мнению их инициаторов, не должны были затронуть фундаментальных основ советского строя, в том числе и его основополагающего мифа. Критика сталинизма и тоталитаризма допускалась, но без покушения на интеграционные ценности советской истории. О том, что официальная власть не была заинтересована в установлении правды о войне, свидетельствуют инструкции Главлита, подготовленные уже в пик перестройки в 1990 году, рекомендовавшие не касаться тем, ставящих под сомнение советскую модель интерпретации войны.

Украинская компартия представляла собой в то время один из наиболее ретроградных отрядов КПСС, в котором долгое время не наблюдалось ни намек на демократизацию. В 1985 году, на заре перестройки, директор Института истории Украины Академии наук УССР Юрий Кондуфор и заведующий отделом истории Украины периода Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза бывший партизан Всеволод Клоков выступили в «Вестнике АН УССР» с программной методологической статьей, в которой обосновали мысль о том, что история УССР времен войны должна оставаться «неотъемлемой частью истории СССР, а выделение национального сюжета в противоположность положению о неразрывности и взаимозависимости исторического процесса развития каждой республики Советского Союза в целом было бы ошибочным»[2].

Однако общественные процессы внесли существенные изменения в такой подход. По мере обострения политической борьбы между сторонниками коммунистической партии и демократических сил тема Второй мировой войны все активнее включалась в противостояние. Следует отметить, что украинская академическая наука оказалась в этот период аутсайдером. Особая роль здесь принадлежала публицистам, журналистам, писателям и молодому поколению историков, которые откликнулись на вызовы времени.

Две тенденции определили украинскую специфику данного периода. Во-первых, особое внимание стало уделяться роли и месту Украины и украинцев в войне. Поначалу эта тематика развивалась исключительно в контексте критики сталинизма, однако постепенно она все больше стала вписываться в процесс тех центробежных тенденций, которые нарастали в стране. К примеру, появившиеся в начале 1990-х годов публикации на тему создания Сталиным в 1944 году Наркомата обороны УССР акцентировали внимание общественности на эфемерном и фиктивном статусе украинской советской государственности.

«Архивная революция» - выведение из спецхранов партийных архивов значительного массива ранее засекреченных документов - также в немалой степени способствовала девальвации старых советских мифов о войне. Например, тезис об авангардной роли коммунистов в народной борьбе на оккупированной территории лопнул как мыльный пузырь, когда выяснилось, что почти четверть всех членов КП(б)У - более 140 000 человек - остались на захваченной врагом территории и в основной своей массе благополучно пережили немецкую оккупацию. Только в Ворошиловграде, по состоянию на 15 апреля 1943 года, легально, после регистрации в гестапо проживало 750 бывших коммунистов и 350 комсомольцев.

Вторая тенденция - откровенно антисоветская и националистическая по своему политико-идеологическому наполнению - была связана с актуализацией темы ОУН-УПА. В западных областях республики, как это имело место и в Прибалтике, зазвучали обвинения Красной армии в оккупации. В феврале 1990 года возле здания Верховной Рады в Киеве прошел несанкционированный митинг, организаторами которого стали правые политические объединения и партии. Выступавшие ораторы обвинили советскую армию в том, что она воспитывает манкуртов, назвали ее «оккупационной», призывали создать свою украинскую армию, апеллируя при этом к историческому опыту украинской военной истории княжеского и казацкого периодов, а также к истории Украинской повстанческой армии времен Второй мировой войны^[3].

Особую роль в популяризации ОУН-УПА сыграла украинская диаспора. Заполнение существующего в Украине информационного вакуума по этой теме осуществилось при помощи поступлений из-за рубежа массы украинских эмиграционных изданий, написанных преимущественно в эпоху «холодной войны». Правда, среди массива зарубежной литературы были и новейшие вполне академические исследования - например, канадского профессора украинского происхождения Ореста Субтельного «Украина. История». Представлявшая украинскую историю периода Второй мировой войны в абсолютно новом «украиноцентричном формате», книга Субтельного была переиздана в Киеве уже в первый год украинской государственной независимости. В условиях отсутствия новой концепции украинской истории книга канадского профессора стала на несколько лет чуть ли не единственным официальным учебным пособием для студентов и школьников Украины.

Демократизация и гласность оказали решающее влияние на трансформацию общественного сознания в Украине. Закрашивание «белых пятен» украинской истории постепенно подрывало доверие к коммунистическому режиму. Динамика изменений политических настроений от критики Сталина к критике советской власти и коммунистической системы в целом, а далее - к формированию симпатий к идее независимой Украины и даже к украинскому национализму как альтернативе старой коммунистической идеологии оказалась весьма стремительной и совсем неожиданной для власти.

Вполне прогнозируемым, однако, стал рост популярности темы ОУН-УПА. Прежде всего, это касалось западных областей Украины, где уже в период перестройки прокатились

многочисленные митинги с призывами возрождения национальной символики и признания Украинской повстанческой армии воюющей стороной. Подобные настроения наблюдались и в других регионах Украины. В Киеве, на майдане Незалежности (тогда еще площади Октябрьской революции) бойко торговали националистической литературой, флажками, значками с бандеровской и оуновской символикой, которые пользовались большим спросом.

О том, что в обществе наметился раскол, красноречиво свидетельствовало резко обострившееся к началу 1990-х годов противостояние по вопросу об ОУН-УПА. Осознавая всю взрывоопасность этого процесса, уже не правящая, но еще сохранявшая большие возможности КПУ предприняла ряд как легальных, так и нелегальных попыток организовать отпор лавинообразно нарастающей «антисоветской и бандеровской пропаганде». Областным партийным комитетам было приказано организовывать публикацию в прессе контрпропагандистских статей, выступлений ученых на телевидении и, несмотря на дефицит бумаги, осуществить издание серии заказных книг о «преступной деятельности ОУН и УПА».

В начале 1990-х годов в местные органы власти (переизбранные рады) пришли и оказались в большинстве национал-демократы, инициировавшие в Западной Украине легализацию национальной символики, переименование улиц в честь национальных героев, построение памятников и восстановление могил «павших за независимую Украину в годы Второй мировой войны». Местные коммунисты, не без помощи армейских и кэгэбистских структур, пытались остановить этот процесс, в том числе и путем террористических актов. В июне 1991 года горсовет Червонограда прямо обвинил коммунистов в совершении преступлений: взрыве памятника Степану Бандере, срыве табличек на улице, названной в его честь, взрыве памятного знака погибшим в годы Второй мировой войны под городом Броды - воинам 14-й гренадерской дивизии Ваффен СС «Галичина», которая приняла здесь боевое крещение в бою с Красной армией.

11 июня 1991 года на заседании Президиума Верховной Рады УРСР было рассмотрено заявление группы народных депутатов по поводу «попыток политической реабилитации ОУН и УПА». Президиум поручил ряду комиссий по вопросам обороны и госбезопасности немедленно изучить эту проблему и вместе с научными и иным учреждениями и ведомствами подготовить соответствующие постановления с целью положить конец попыткам политической реабилитации ОУН-УПА. Однако подготовленная Институтом истории АН УССР научная справка разочаровала коммунистов в Верховной Раде. Вместо ожидаемого осуждения они получили позитивную оценку деятельности националистов, которые, как утверждалось в документе, «вели национально-освободительную борьбу за независимую и суверенную Украину». Автора документа - известного историка Виктора Ковалю - обвинили в некомпетентности, а справку отправили на доработку. Созданная в институте группа из семи человек подготовила «нужный» документ, однако в Москве начался августовский путч, и документ остался невостребованным.

Независимая Украина: миф войны и война мифов

После провозглашения в августе 1991 года независимости Украины проблема ОУН-УПА не только не была снята с повестки дня, но и переросла в открытое политическое противостояние. Центральным местом этой проблемы оставался все тот же вопрос об официальном признании ОУН и УПА. В обществе развернулась дискуссия о том, чья борьба была главной и определяющей в истории украинской государственности - тех украинцев, которые воевали под красными знаменами, или тех, кого вдохновляли на борьбу синезелтые^[4]. Полярность оценок отражалась в активно распространяемых лексических штампах типа «советские ветераны - оккупанты, потерянное поколение, враги украинской

независимости». В свою очередь участников ОУН-УПА обвиняли в «коллорабационизме, предательстве украинского народа, пособничестве фашизму». Накануне и во время празднования 50-летия создания УПА в 1992 году ряд областных и районных рад западных областей обратились в Верховную Раду с ходатайством об официальном признании участников национально-освободительной борьбы 1920-1950-х годов. В ответ руководство Организации ветеранов Украины направило в Верховную Раду серию протестов против «бандеризации Украины».

1 февраля 1993 года Президиум Верховной Рады Украины утвердил постановление «О проверке деятельности ОУН-УПА», в связи с чем кабинет министров Украины должен был создать специальную комиссию, формирование которой было возложено на Министерство юстиции. Однако ее создание растянулось на четыре года, и только в 1997 году при Институте истории Украины Национальной академии наук Украины была создана рабочая группа для подготовки исторического документа, оценивающего деятельность ОУН и УПА. В состав группы вошли сотрудники института (в том числе и бывшего отдела Великой Отечественной войны, переименованного в отдел истории Второй мировой войны), а также Службы безопасности и Государственного комитета архивов Украины. Замена термина «проверка деятельности» на «изучение деятельности» свидетельствовала об отказе ее организаторов от крайностей в оценке УПА, что, однако, вызвало ожесточенные протесты левых. 29 декабря 1997 года председатель комитета ветеранов Иван Хмель обратился к органам законодательной и исполнительной власти с требованием нацелить комиссию на «разоблачение преступной деятельности ОУН и УПА».

Баталии по этой проблеме ведутся на различных «театрах военных действий» - в залах парламента, на митингах, в средствах массовой информации, научных и околонучных конференциях, на уровне местных органов власти. Постоянное зависание в парламенте решения проблемы ОУН-УПА привело к тому, что некоторые областные и районные рады народных депутатов западноукраинского региона стали принимать соответствующие решения на местном уровне, признавая ОУН и УПА и выплачивая из своего бюджета пенсии участникам национально-освободительной борьбы. Время от времени в средствах массовой информации высказываются сомнения по поводу уместности употребления в Украине термина «Великая Отечественная война» и даже предложения ликвидировать сам праздник Победы.

Ветеранов Красной армии и УПА уже давно разделяют праздники: советские ветераны празднуют 9 мая День Победы, комбатанты УПА - 14 октября День Украинской повстанческой армии. Случается, что празднования переходят в открытые столкновения, как это было, например, в мае 1997 года во время празднования Дня Победы во Львове, которое закончилось дракой.

Раскол существует и в самом советском ветеранском движении. Откровенно прокоммунистическая ориентация руководства Организации ветеранов Украины, для которых борьба за память о войне означает сохранение последнего бастиона коммунистических ценностей и перспективу восстановления чего-то вроде СССР, привела к расколу организации. В октябре 1996 года в Киеве прошел учредительный съезд Всеукраинского объединения ветеранов Второй мировой войны, на котором было объявлено о желании «отмежеваться от проимперских действий и намерений возродить Советский Союз ветеранской организации, возглавляемой товарищем Герасимовым», а также «объединить усилия всех ветеранов, которые признают и поддерживают своими действиями Конституцию Украины и ее независимость и тем самым способствуют консолидации украинского общества».

В целом для современной Украины, декларирующей приверженность демократическим принципам, характерно наличие плюралистической историографии. Однако расколотым по линии политических симпатий и антипатий историкам в равной мере присущи как попытки пере моделировать в рамках «украиноцентризма» старую советскую схему Великой Отечественной войны, в основу которой положены все те же «героизм и жертвенность» с акцентом на подвигах героев-украинцев, так и интегральная националистическая концепция, сторонники которой пытаются выбросить из памяти войны все советское, заменив его героизмом ОУН и УПА. В конечном счете, на смену старому мифу о войне пришли новые мифы. Подготовленная к 55-летию Победы, согласно Указу президента Украины, но под патронатом Организации ветеранов Украины и при солидной финансовой помощи Москвы книга «Бессмертие» была призвана венчать многотомный мартиролог погибших в минувшей войне.^[5] Однако из-за давления со стороны прокоммунистического руководства ветеранской организации эта работа так и не стала новым словом в отечественной историографии. Просочившиеся на страницы книги упоминания об УПА вполне отразили напряженность, существовавшую в авторском коллективе относительно этого вопроса. Редакционная коллегия во вводной статье объявила, что не разделяет некоторых авторских оценок деятельности ОУН и УПА, в частности относительно их «борьбы на два фронта: против немцев и советских партизан». В то же время в научном введении отмечалось, что, «получив независимость из рук разрушенного советского режима, мы не должны забывать, что именно за это отдали жизнь также десятки тысяч наших сограждан, которые воевали в рядах ОУН и УПА». Как впоследствии установил канадский профессор Роман Сербин, именно из-за этой деликатной фразы тираж книги негласно увидел свет в двух редакциях: одна с вышеупомянутой фразой - для широких масс, и другая, из которой было изъяты позитивные оценки ОУН-УПА, - для руководства Совета ветеранов.

В вопросе о признании ОУН-УПА украинская власть оказалась между Сциллой и Харибдой. Не имея четкой концепции формирования национальной идеологии, при наличии в парламенте коммунистического большинства, расколотой на Запад и Восток страны, власть до последнего времени не решалась делать резких движений относительно четких определений в проблеме ОУН-УПА. Леонид Кравчук, в прошлом главный идеологический боец компартии Украины против «украинских буржуазных националистов», после избрания на пост президента открыто демонстрировал свою причастность к национально-освободительной борьбе в Западной Украине. В одной из телепрограмм, подчеркивая всенародный характер этой борьбы, он рассказывал, как сам ребенком носил еду повстанцам. Однако официально признать ОУН-УПА воюющей стороной, приравняв их к ветеранам советской армии, Леонид Кравчук так и не отважился.

Леонид Кучма, сменивший Кравчука на президентском посту в июле 1994 года, используя при этом недовольство русскоязычного электората «крайностями национализма», в отличие от уроженца западных областей Леонида Макаровича не испытывал национальных чувств к украинскому повстанческому движению. В то же время в его ближайшем окружении находились горячие противники украинского национализма и сторонники пророссийской ориентации.

В своей речи 8 мая 1995 года на торжественном собрании, посвященном празднованию 50-летия Великой Победы, президент сделал акцент на идее об историческом единстве всех советских народов, прославлял героизм и патриотизм народа-победителя и даже противопоставил значение Великой Победы для СССР и Запада. В выступлении не только отсутствовала жесткая критика сталинского режима, не только звучали позитивные оценки компартии, военных комиссаров, но и признавалась особая роль в победе Сталина. Насколько конъюнктурной в действительности была такая позиция верховного руководства Украины свидетельствовал тот факт, что тремя годами позднее, 26 ноября 1998 года к 65-

летию годовщины голода в Украине, Леонид Кучма подписал Указ об установлении Дня памяти жертв Голодомора, фактически признав одним из его главных организаторов Сталина.

Дальнейшая консервация советской памяти о войне за счет легкого ретуширования старого мифа о Великой Отечественной войне произошла в 2000 году, когда во время помпезного празднования 55-летия Победы Верховная Рада с подачи Организации ветеранов Украины приняла Закон Украины «Об увековечении Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». День Победы стал официальным государственным праздником Украины, призванным сохранить советскую ритуальную символику. В то же время закон обходил молчанием «большую тему» о роли и месте в минувшей войне бойцов УПА. С учетом того, что новой парадигмы истории войны в Украине так и не было создано, а старая советская являлась насквозь фальшивой, парадоксальным выглядело прописанное в законе положение «о недопущении фальсификации истории Великой Отечественной войны в научных исследованиях, научно-методической литературе, учебниках и средствах массовой информации». Все это дурно отдавало старой советской практикой контроля за свободой слова и мысли.

Игра на двух полях исторической памяти стала привычным делом для высшей украинской власти, которая в равной мере отдавала должное как националистическим, так и советским датам и юбилеям. Более того, власть даже научилась подгонять эти праздники под свои конкретные конъюнктурные интересы. Например, при праздновании годовщины провозглашения Карпатской Украины Указом президента Кучмы звание Героя Украины было присвоено первому президенту Карпатской Украины Августину Волошину, погибшему в 1945 году в застенках НКВД. В то же время Леонидом Кучмой смело был учрежден День партизанской славы, что фактически противоречило советской традиции не разделять советских воинов, партизан и подпольщиков. В данном случае празднование в современной Украине Дня партизанской славы 22 сентября стало очередной уступкой левому электорату, ибо было призвано противопоставить советских партизан повстанцам УПА, отмечавшим свой день памяти тремя неделями позже. 18 февраля 2002 года президент издал распоряжение «О праздновании 60-летия создания подпольной молодежной организации “Молодая гвардия”» и лично принял участие в торжествах по этому поводу. В то же время он проигнорировал 60-летие УПА, которое широко отмечалась на уровне общественных организаций в Украине в 2002 году.

Во время второго президентского срока и особенно после разразившегося «кассетного скандала», связанного с убийством журналиста Георгия Гонгадзе, режим Кучмы оказался в международной изоляции. Это обстоятельство в значительной степени содействовало дальнейшему усилению политических ориентаций высшей власти Украины в сторону России. Педалирование темы российско-украинского боевого содружества в годы войны, а также общего советского прошлого стало привычным делом. Реанимацию в Украине бывшего Дня советской армии - 23 февраля, который в новой интерпретации назывался Днем защитника отечества, многие наблюдатели расценили не только как внутривнутриполитическую пиар-акцию, приуроченную к президентским выборам 1999 года, но и как демонстрацию доброй воли в отношении России. Приезд в Киев осенью 2004 года российского президента Владимира Путина на празднование 60-летия освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков в самый разгар президентских выборов стал апогеем этой политики.

Следует отметить, что сторонники советских мифов фактически проиграли сражение за историческую память нового поколения. Из школьных и вузовских учебников уже давно выброшены старые совковые схемы. Министерство просвещения Украины легитимировало

тему ОУН-УПА еще в первые годы независимости. Именно на этих учебниках было воспитано целое поколение участников Оранжевой революции. В числе главных компонентов украинской модели Второй мировой войны можно назвать такие, как перенесение акцента с 22 июня 1941 года на 17 сентября 1939 года - вступление СССР (и Украины) во Вторую мировую войну. Этому периоду уделяется значительное внимание, как с точки зрения проблемы присоединения украинских земель, так и в плане осуждения их жестокой советизации сталинским режимом, приведшей к массовым репрессиям против местного населения. Сталин и Гитлер подаются в одной связке - как тоталитарные диктаторы, которые несут равную ответственность за развязывание войны. В большинстве школьных и вузовских учебников практически отсутствует название «Великая Отечественная война», которое заменено нейтральными и менее эмоциональными - «Вторая мировая» или «германско-советская». Отход от советской модели войны можно увидеть и в замене старых героических символов новыми. Штатные советские герои - Маресьев, Гастелло, Матросов, Космодемьянская и другие на страницах украинских учебников уступили место героям национально-освободительной борьбы. Во многих школьных учебниках помещены портреты командующего УПА Романа Шухевича и лидера ОУН Степана Бандеры.

Существующий политический и цивилизационный раскол украинского общества, в том числе и относительно памяти о войне, продемонстрировали последние президентские выборы. Играя на настроениях русифицированного Востока, к избирательному блоку Ющенко «Наша Украина» с целью его дискредитации был приклеен ярлык «нашизм», для этого же широко использовалась и фашистская символика. Плакаты с изображением Виктора Ющенко в эсэсовской форме развешивались на улицах Донецка, а видеоклип с кадрами Великой Отечественной и песней Иосифа Кобзона пророчили Украине в случае победы Ющенко гражданскую войну.

Вопреки прогнозам, разделения нации на бандеровцев и красных все же не произошло. По образному выражению Збигнева Бжезинского, на майдане Незалежности «украинский национализм обнялся с демократией». Новое руководство Украины заявляет о своей решимости порвать со старым мифологизированным прошлым и советскими традициями идеологического и политического раскола общества на своих и врагов. В инаугурационной речи президент Виктор Ющенко подал в одном смысловом ряду ГУЛАГ и Освенцим, Голодомор и Холокост, равнозначно осуждая преступления в Украине как сталинского, так и гитлеровского режимов. На повестку дня ставится теперь вопрос о национальном примирении. Празднование 60-летия Победы, очевидно, станет первым шагом к этому. Однако, учитывая близость парламентских выборов и крайнюю политизированность проблемы ОУН-УПА в Украине, вряд ли стоит говорить о немедленном разрешении этого вопроса.

---

[1] *Долматовский Е.А.* Зеленая брама. Документальная легенда об одном из первых сражений Великой Отечественной войны. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1985.

[2] *Кондуфор Ю.Ю., Клоков В.И.* Деяк питання методології завдання дослідження періоду Великої Вітчизняної війни // Вісник АН УРСР. 1985. № 5.

[3] *Фросевич Л.* Метинг без санкцій // Вечірній Київ. 1990. 6 лютого.

[4]Гриневич Л. Історія ОУН, УПА на тлі політичної боротьби в сучасній Україні // Протистояння. Київ, 1999. С.4-71.

[5] Безсмертя. Книга пам'яті України. 1941—1945 / Головна редакційна колегія (голова І.О. Герасимов, заступники голови І.Т. Муковський і П.П. Панченко, відповідальний секретар Р.Г. Вишневський). Київ: Пошуково-видавниче агентство „Книга пам'яті України”, 2000. Это итоговый том «Книги пам'яті України», которую составляют 250 томов с именами погибших по всем областям Украины, Автономной республики Крым и городам Киев и Севастополь. На 2004 год вышло уже 225 таких книг.